

Пакетик

Я вышла из кинотеатра злая и расстроенная. В глазах стояли слезы, и я старалась аккуратно их вытереть, не размазав тушь. Я достала из сумочки зеркальце, чтобы проверить, все ли в порядке с макияжем, и только тут вспомнила, что сегодня и не красилась вовсе. Черт! Это почему-то еще больше меня разозлило.

- Понравился фильм? – мама поднырнула мне под руку.
- Нет. То есть да. В смысле я рада, что мы сходили, но мне не понравилось.
- Да ну? Очень хорошее кино. Там все-все показали так, как было.

Я хмыкнула.

- Откуда ж тебе знать, что так оно и было?
- Леонов был консультантом, фильм основан на его воспоминаниях. Что же он, будет неправду говорить?
- Валерия Борц тоже говорила, что «Молодой Гвардией» руководил Олег Кошевой, предателем был Виктор Третьякевич, и вообще роман Фадеева – чуть ли не исторический документ.
- Причем здесь «Молодая Гвардия»? Мы же вроде про космос говорили. Ларочка, я тебя не понимаю.
- Мам, давай не будем. Мне сложно тебе объяснить, и это ни к чему. Я рада, что тебе понравилось кино.
- Нет уж, давай объясняй теперь.

Я вздохнула и помолчала какое-то время.

– Мне не нравится, что это пропагандистский фильм, – мама попыталась что-то возразить, но я не дала ей ничего сказать, – сильная несгибаемая русская нация, которая, несмотря на все трудности, козни, мировой заговор и так далее, показала всему миру, чего она стоит. Орлы! Правда, в кандалах. Но кандалы – это, оказывается, не боль и унижение, а совершенная необходимость. Как же там было? Русские даже в кандалах умудряются всю жизнь летать, но стоит эти самые кандалы снять, – разобьются к чертям собачьим. Так-то. Два человека чуть не погибли из-за людской тупости, жадности, желания быть первыми во всем. Где же тут повод для гордости? Россия – родина слонов. И ведь ничего не меняется, пятьдесят лет прошло, а мы все так же летаем в кандалах и радуемся этому, причем сами же эти кандалы холим и лелеем, моем, чистим, застегиваем покрепче и уверены, что все делаем правильно. Как можно так жить? Что это за страна такая? Место не для жизни, а для смерти. Хотя и умереть тут спокойно не дадут. Бедный Третьякович, – я готова была поделиться размышлениями о «Молодой гвардии», уже с месяц мучившими меня, но вовремя остановилась. Мама как-то странно смотрела на меня, слегка наклонив подбородок.

- Ларочка, что творится у тебя в голове?
- Извини. Говорила же, что не нужно.

Я потуже обмотала шарф вокруг шеи и остаток дороги до метро шла молча. Мама тоже насупилась и ничего не говорила. Дождь уже закончился, но в воздухе еще стояла сырость. Вода растеклась по улицам Москвы и по ботинкам пешеходов. Мой правый тоже зачерпнул из лужи. Васька с папой топали впереди нас, и я слышала, как папа восторженно рассказывает сестре об историческом космическом рукопожатии Леонова и американского космонавта Томаса Стаффорда и о том, как Леонов снова нарушил все инструкции и втащил Стаффорда за руку внутрь советского «Союза». Папе, кажется, повезло больше мамы – Васька не возмущалась, не произносила гневных банальных монологов и внимательно слушала.

В метро я под села к Васе.

– Мы с мамой поругались, – Вася копалась в телефоне и даже не посмотрела на меня.

– Как всегда. Из-за чего?

– Ну, не то, чтобы прямо поругались, но я стала объяснять ей, почему мне не понравился фильм, и разговор вышел не очень.

– А тебе не понравилось?

– А тебе?

– Хорошее кино. Погоди, – Вася оторвалась от экрана, – ты же редела в кинотеатре, я видела.

– Это другое. Я реву, даже когда по телеку керлинг показывают, ты же знаешь.

– Ну-ну. Дак что не так с этим фильмом?

– Кандалы. Все дело в кандалах, – и я вкратце пересказала Васе мой разговор с мамой.

– Ничего себе ты завернула. Тебе надо пореже смотреть такие фильмы, чтобы меньше загоняться.

– В каком смысле? Я постоянно об этом думаю.

– О чем именно? О судьбе России? Каждый день что ли? – Вася даже отложила телефон и внимательно посмотрела на меня, чуть прищурившись, готовая рассмеяться по первому моему сигналу. Но его не последовало. Я методично зажевывала щеку и глядела на свои руки.

– Черт, Вася, это бесполезно. Меня никто не понимает. Может, только Аня, чуть-чуть. Я правда каждый день думаю о том, как мы живем, почему в этой дерьмовой стране люди столько страдают и ничего не могут изменить, почему все несчастны, почему вокруг одна ложь, почему никто ни черта не делает, почему...

– Да-да, и именно поэтому завтра ты поедешь на работку и будешь девять часов просиживать брючки, смотря корейские сериальчики, периодически отрываясь на то, чтобы переписать никому ненужный отчет или сходить на бесполезное совещание. Да не смотри ты так на меня, я вот вообще не думаю о высоких материях и не считаю, что это плохо. Я из тех, кто несет пакетик.

– Какой пакетик еще?

– Ну мем такой, – Вася что-то загуглила и протянула телефон мне. На экране светилась картинка: в правом нижнем углу на мягкой кушетке возлежала молодая

стройная женщина в бикини. Она закинула руки за голову, и лениво посматривала на бокал вина, стоящий рядом с кушеткой. По центру на желтом фоне крупными печатными буквами было написано: «Есть люди, которые несут тьму, мрак и хаос. Есть люди, которые несут справедливость и покой. И есть я. Я несу пакетик...»

– Ааааа... – я не нашлась, что ответить.

Вася потерлась своим лбом о мое плечо: «Мир?»

Я кивнула в ответ и потрепала ее по руке. С чего я решила, что я буду тем человеком, кто принесет в этот мир свет? Я точно так же, как все, просто несу пакетик. Может, Вася права, и мои ежедневные неповоротливые мысли о сути бытия бесполезны для окружающих и токсичны для меня. Нет, есть все, а есть я. Я – другое. Да, в моей работе мало смысла, но именно поэтому я пошла учиться, чтобы сменить профессию. Я буду художником, и пусть картины не спасают мир, но они спасают души. Боже, как штампованно и самонадеянно! Ладно, я волонтерю в больнице – хоть какая-то польза от меня есть. Бред. Что со мной не так? Как мне стать нормальным человеком? Я посмотрела на Васю – она листала инстаграм с фотками смешных животных. А родители? Папа слушал музыку, вертя в руках маленький черный плеер, мама, видимо, сидела в интернете с телефона. Почему только мне не дают покоя это ебаные кандалы?

Я тоже хочу нести пакетик. Может, конечно, не такой маленький, как у Васьки, но и не такой неподъемный, как у Маркса с Энгельсом. Такие пакетики разрушают мир. «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Ну вот, доменялись до того, что советские люди в кандалах полетели в космос, а нам это сейчас преподносят, как великое благо.

– Ларочка, хватит летать в облаках. Выходим. А на ужин будет картошка с рыбой.

Какая у меня мама хорошая. Вообще, у нее пакетик очень тяжелый: с картошкой, одежкой, рыбешкой, и другими трудностями российского быта. Быт, быт, быт. Быт или не быт, вот в чем наркоз. Наркоз нашей жизни. Если бы люди жили лучше, может, они бы думали больше.

– Лара, ты бегать пойдешь завтра? Если да, подожди меня, я не очень поздно с работы вернусь.

Вот Васька тоже очень хорошая. Только книжек совсем не читает. Я как-то заставила ее «Консуэло» прочитать. Ну как, заставила. Пока она несколько глав читала, она выла, выла, выла. В итоге, бросила. Я смирилась. Поначалу. Потому подсунула ей «Джуда Незаметного». И то же самое. Вытье, вытье, вытье. Бросила. Что-то такое Джуд там говорил о том, что с возрастом начинаешь ощущать себя в центре жизни, а не на ее периферии, и тебя вдруг охватывает ужас. Может, все дело в том, что я старше, а Васька маленькая еще, поэтому экзистенциальный ужас и цикличность нашей истории ее не пугают?

– Лариса, я тут что-то нажал, и плеер не работает.

А какой у меня папа хороший. Он вообще мало говорит, но много знает. А может, он на самом деле несет очень тяжелый пакетик, а мы об этом не ведаем, просто потому что он не жалуется?

Так мы и шли в темноте осенней ночи, каждый со своим пакетиком.

А вообще, какая разница, какие у них пакетики, если они моя семья, и я их люблю?